

ДУГЛАС АДАМС

Путеводитель по галактике для путешествующих автостопом

Дуглас Адамс

**Автостопом по Галактике.
Ресторан «У конца
Вселенной» (сборник)**

«Издательство АСТ»

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84 (7Coe)44

Адамс Д. Н.

Автостопом по Галактике. Ресторан «У конца Вселенной» (сборник) / Д. Н. Адамс — «Издательство АСТ»,
— (Путеводитель по галактике для путешествующих автостопом)

ISBN 978-5-17-032458-8

«Автостопом по Галактике». Культовый сериал, равно любимый и критиками, и читателями. Сериал, послуживший основой великолепного фильма, сценарий которого в свое время создал сам Дуглас Адамс. Вы смотрели этот фильм? Вы восхищались его юмором и полетом воображения? Вы еще не читали книгу? Прочтите. Не пожалеете!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84 (7Coe)44

ISBN 978-5-17-032458-8

© Адамс Д. Н.
© Издательство АСТ

Содержание

Автостопом по галактике	5
Путеводитель вольного странника	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	33
Глава 10	35
Глава 11	36
Глава 12	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дуглас Адамс

Автостопом по галактике.

Ресторан "У конца Вселенной"

Автостопом по галактике

*Посвящается Джонни Броку, Клэр-орст и всем остальным
арглингтонийцам – в благодарность за чай, сочувствие и диван.*

Путеводитель вольного странника

Далеко-далеко, в не замеченных картографами складках давно вышедшего из моды Западного Спирального Рукава Галактики, затерялась крохотная, никому не интересная желтая звезда.

Вокруг нее, на расстоянии примерно девяноста восьми миллионов миль, обращается ничтожная зелено-голубая планетка, обитатели которой все еще очень похожи на своих предков-обезьян – достаточно сказать, что электронные часы до сих пор считаются у них чудом техники.

У этой планеты есть – вернее, была – одна проблема: большинство живущих на ней людей только и делали, что страдали, так как не находили в жизни счастья. Рождалось множество решений, но почти все они сводились к перераспределению маленьких зеленых клочков бумаги – что само по себе весьма странно, так как кто-кто, а маленькие зеленые клочки бумаги никаких страданий не испытывали, ибо счастья не искали.

Решение все никак не находилось, и планета наполнилась озлобленными людьми, для большинства из которых ощущение несчастья было постоянным, и даже электронные часы не скрашивали им жизнь.

Постепенно распространялось и крепло убеждение, что все несчастья пошли с того, как люди спустились с деревьев на землю. А кое-кто даже полагал, что ошибка была совершена еще раньше – с деревьями тоже нечего было связываться и вообще незачем было вылезать из океана.

И вот как-то в четверг, после дождя, спустя почти две тысячи лет после того, как одного человека приколотили гвоздями к дереву за то, что он призывал хотя бы иногда, просто для разнообразия, относиться друг к другу по-хорошему, некая девушка, сидя в одиночестве за столиком маленького кафе в Рикмансворте, вдруг додумалась, в чем была вся загвоздка и каким образом мир все-таки можно сделать обителью счастья и покоя. На сей раз дело в шляпе, все непременно получится – и никаких гвоздей и приколачиваний живых людей к деревьям и прочим предметам!

К сожалению, не успела она дойти до телефона, чтобы поделиться с кем-нибудь своим открытием, произошла чудовищно нелепая катастрофа, и решение было навсегда потеряно.

Впрочем, история, которую я собираюсь вам поведать, не о девушке.

Это история о чудовищно нелепой катастрофе и некоторых ее последствиях.

Также это история о книге. О книге под названием «Автостопом по Галактике: Путеводитель вольного странника», в обиходе именуемой просто «Путеводитель» – книге, написанной не на Земле, никогда на Земле не публиковавшейся и до катастрофы неизвестной ни одному землянину. Тем не менее это замечательная книга.

Пожалуй, это самое замечательное из всех изданий грандиозной Издательской корпорации Малой Медведицы – также неизвестной ни одному землянину.

Книга пользуется огромным спросом, оставив далеко позади «Межзвездный сборник советов по домоводству»; раскупается гораздо быстрее, чем «Еще 53 способа скоротать время в невесомости», и вызывает еще больше споров и толков, чем философская трилогия «Где Господь сбился с пути», «Основные ошибки Господа Бога» и «Да кто он в конце концов такой, этот Господь Бог?!»

В просвещенных и расслабленных цивилизациях Внешнего Восточного Кольца Галактики «Путеводитель» вытеснил даже великую «Большую Галактическую Энциклопедию» в качестве общепризнанного кладеза мудрости и знаний. Ибо, несмотря на обилие пропусков и вопиюще искаженной, а то и просто-напросто апокрифической информации, «Путеводитель» обладает двумя важнейшими преимуществами перед «Энциклопедией».

Во-первых, он дешевле. Во-вторых, на титульном листе крупными буквами выведены сакраментальные слова: «НЕ ПАНИКУЙ».

Но история о том чудовищно нелепом четверге, его удивительных последствиях и о роли, которую сыграла во всем этом вышеназванная замечательная книга, – так вот, эта история начинается довольно банально.

Она начинается с дома.

Глава 1

Дом стоял на небольшой возвышенности на самом краю поселка. Он был ничем не примечателен – построенный лет тридцать назад, кирпичный, маленький, невзрачный, с четырьмя окнами на фасаде. Словом, один из тех, от которых тут же хочется отвести взгляд. Единственным человеком, полюбившим это чахлое строение, был Артур Дент, да и то лишь потому, что жил в нем. Жил уже три года, с тех пор как уехал из Лондона – Лондон был вреден для его нервной системы. От роду Артуру было столько же, сколько и дому, – около тридцати. Высокий, темноволосый, он вечно был не в ладах с самим собой. Заботило его больше всего то, что люди постоянно приставали к нему с расспросами, почему это у него такой озабоченный вид. Он работал на местной радиостанции, что, как твердил Артур своим знакомым, гораздо интереснее, чем все думают. И был совершенно прав – большинство его знакомых работали в рекламе.

В среду ночью лил дождь, лужайка раскисла и потекла, но на следующее утро облака разошлись, и солнце ярко осветило дом Артура Дента – как выяснилось, в последний раз.

Артуру все еще было невдомек, что муниципалитет принял решение снести его дом и проложить на этом месте скоростное шоссе.

В четверг в восемь часов утра Артур чувствовал себя далеко не блестяще. Он едва разлепил веки, с трудом обошел комнату, открыл окно, увидел бульдозер, нашел тапочки и поплелся в ванную.

Склонившись над раковиной, Артур машинально почистил зубы.

Выпрямился.

Зеркало для бритья отражало потолок. Поправил зеркало – и на секунду, через окно в ванной, оно отразило второй бульдозер. Установленное правильно, оно отразило щетину на лице Артура Дента. Артур побрился, плеснул в лицо водой, вытерся и зашлепал на кухню.

Чайник, розетка, холодильник, молоко, кофе. Звон.

На какой-то миг в поисках ассоциативных связей в голове всплыло слово «бульдозер».

Бульдозер за окном кухни казался громадным.

Артур тупо уставился на него.

«Желтый», – подумал он и побрел в спальню одеваться.

Проходя мимо ванной, он остановился и выпил стакан воды, потом еще один. «Похмелье? – мелькнула мысль. – Откуда похмелье?» Он что, пил вчера вечером? Вероятно, пил, пришел к выводу Артур и тут заметил в зеркале какое-то движение. «Желтое», – подумал он и вернулся в спальню.

Пивная. О Боже, пивная! Артур смутно припомнил злость, которую испытывал по поводу... чего? Факт тот, что это «что-то» его весьма раздражало. Он рассказывал об этом окружающим, долго и пространно, и самым отчетливым воспоминанием были остекленные лица слушателей. Что-то там о новом шоссе... Артур взглянул на себя в зеркало шкафа и высунул язык. «Желтый», – подумал он. Слово «желтый» всплыло в поисках ассоциативных связей.

Пятнадцатью секундами позже он оказался на дворе и плюхнулся на землю перед большим желтым бульдозером, который надвигался на его сад.

Мистер Л. Проссер был, как принято говорить, всего лишь человеком, иными словами, основанной на углероде двуногой формой жизни, ведущей свое начало от обезьяны. Выражаясь конкретнее, это был сорокалетний, преждевременно располневший, неоднократно битый жизнью муниципальный служащий. Любопытный факт, неизвестный мистеру Проссеру: он являлся прямым потомком Чингисхана, хотя промежуточные поколения так исказили гены,

что в нем не сохранилось никаких монголоидных черт. От могущественного предка осталась лишь склонность к маленьким меховым шапочкам.

Мистер Проссер никоим образом не был великим воином; напротив, то был очень нервный, вечно чем-то озабоченный человек. Сегодня он нервничал и хлопотал как никогда, потому что работа совсем не клеилась. А заключалась его работа в том, чтобы до конца дня убрать с дороги дом Артура Дента.

– Бросьте, мистер Дент, – уныло бубнил мистер Проссер, – вы ничего не добьетесь. Нельзя же лежать перед бульдозером до бесконечности. – Он многое бы дал, чтобы глаза его гневно вспыхнули, но те наотрез отказывались загораться.

Артур лежал в грязи и строил рожицы.

– Боюсь, вам придется смириться, – продолжал мистер Проссер, смяв свою меховую шапку и возя ею по макушке. – Шоссе должно быть построено, и оно будет построено!

– Это почему же? – спросил Артур.

Мистер Проссер угрожающе потряс пальцем, потом замер в нерешительности и отвел руку.

– То есть как почему? Это шоссе. Разве можно без шоссе?

Шоссе – это такая штука, которая дает возможность одним индивидам мчаться сломя голову из точки А в точку Б, в то время как другие могут сломя голову мчаться из точки Б в точку А. Живущие в точке В, расположенной прямо посередине, нередко задают себе вопрос: чем же так замечательна точка А, если туда рвутся толпы из точки Б, и почему других сводит с ума точка Б? Они частенько мечтают, чтобы люди раз и навсегда решили жить и работать там, черт побери, где им действительно хочется.

Мистер Проссер хотел оказаться в точке Г. Точка Г – не какая-то там определенная точка, а всего лишь любое удобное место на очень большом расстоянии от точек А, Б и В. В точке Г мистер Проссер завел бы себе хозяйство, маленький уютный коттедж со скрещенными топорами над входной дверью (его жена, разумеется, отдавала предпочтение вьющимся розам, но мистер Проссер настаивал на топорах, почему – он не знал, просто топоры ему нравились) и приятно проводил бы свободное время в точке Д, то есть в ближайшей к точке Г пивной.

Под насмешливыми взглядами бульдозеристов мистер Проссер вспотел и налился краской.

Он переступил с ноги на ногу, но и на другой ноге стоять было неудобно. В сложившейся ситуации кто-то, безусловно, проявлял вопиющую некомпетентность, и мистер Проссер молил Бога, чтобы этим «кем-то» оказался не он.

– Вы имели возможность подавать заявления и жалобы в надлежащее время.

– В надлежащее время? – возмутился Артур. – В надлежащее время?! Впервые я услышал об этом, когда пришел рабочий. Замечу: это было вчера. Я решил, что он пришел вымыть окна, а он сказал, что пришел снести мой дом. Но он не сразу мне так сказал, нет! Сперва он протер пару окон и содрал с меня пятерку. И только потом сказал.

– Однако, мистер Дент, маршрут был выставлен для всеобщего ознакомления в местном бюро планирования и висел там девять месяцев.

– Ага, как только я узнал, то сразу же помчался прямо в бюро. Это было вчера в полдень. Вы ведь не особенно утруждали себя предупреждениями? Я имею в виду: никому ни слова, ни одной душе, правда?

– Но маршрут был обнародован для...

– Обнародован? В конце концов мне пришлось спуститься в подвал, чтобы отыскать его!

– Верно, там у нас находится отдел информации.

– С фонариком!

– Наверное, света не было.

– И ступенек тоже!

– Но послушайте, вы ведь нашли план!

– Да, – сказал Артур, – нашел. На дне запертого шкафа в заколоченном туалете. А на двери табличка висела: «Осторожно, леопард!»

Тут по небу проплыло облачко. Оно бросило тень на Артура Дента, который лежал в грязи, подперев голову рукой. Оно бросило тень на дом. Мистер Проссер нахмурился.

– Знаете, ваш дом нельзя назвать особенно красивым.

– Уж простите, но мне он нравится.

– Вам понравится шоссе.

– А-а, заткнитесь, – сказал Артур Дент. – И чтоб духу вашего здесь не было вместе с вашим проклятым шоссе.

Мистер Проссер судорожно и беззвучно разевал рот, а перед глазами стояла необъяснимая, но очень привлекательная картина: пылающий дом Артура Дента и сам Артур Дент, выбегающий из объятых пламенем развалин с тремя увесистыми копьями в спине. Мистера Проссера часто беспокоили подобные видения, и поэтому он считал себя человеком нервным. Он невнятно забормотал что-то, потом взял себя в руки.

– Мистер Дент, – строго произнес он.

– Ну? – отозвался Артур.

– Несколько фактов для вашего сведения. Вы представляете, какие повреждения получит бульдозер, если прокатится по вашему телу?

– Какие же? – полюбопытствовал Артур.

– Абсолютно никаких! – отчеканил мистер Проссер и в ярости бросился прочь, недоумевая, почему у него в голове беснуются тысячи волосатых всадников.

По забавному совпадению «абсолютно никаких» являлось ответом на вопрос, нет ли у Артура Дента, потомка обезьян, подозрений, что один из его ближайших друзей произошел не от обезьяны и родом вовсе не из Гилфорда (как он утверждал), а с некой маленькой планетки в окрестностях Бетельгейзе.

Артур Дент и помыслить о таком не мог.

Его друг по имени Форд Префект попал на Землю пятнадцатью годами раньше и приложил немало усилий, чтобы влиться в человеческое общество – не без успеха, надо заметить. Так, все пятнадцать лет он вполне правдоподобно притворялся безработным актером.

Это был рыжеватый мужчина среднего роста, довольно симпатичный, но отнюдь не киногерой. В его облике сквозила какая-то трудноуловимая странность. То ли его чересчур широкая улыбка создавала впечатление, что он вот-вот вопьется вам в горло зубами, то ли еще что...

Всем своим знакомым на Земле Форд Префект казался чуточку эксцентричным, однако совершенно безобидным человеком – эдаким балагуром-выпивохой с чудными привычками. К примеру, Форд взял за правило неожиданно появляться на университетских вечеринках, крупно выпивать и измываться над первым попавшимся астрофизиком до тех пор, пока его не вышвыривали вон.

Порой им овладевали тоска и рассеянность: он поднимал взор к небу и застывал, будто загипнотизированный, пока кто-нибудь не интересовался, что он делает. Тогда Префект смущенно шутил: «Да так, летающую тарелку высматриваю!» Все смеялись и спрашивали, какую именно летающую тарелку он ищет. «Зеленую!» – заявлял он с кривой ухмылкой, раздражался диким хохотом и щедро угощал всех выпивкой в ближайшем баре.

Подобные вечера обычно заканчивались плохо. Форд надирался виски до поросычьего визга, затаскивал в угол какую-нибудь девицу и заплетающимся языком втолковывал ей, что цвет летающей тарелки – право же! – не имеет решающего значения. А затем, ковыляя из последних сил по ночным улицам, приставал к полицейским, выпрашивая дорогу на Бетельгейзе.

Полицейские реагировали приблизительно так:

– Не пора ли вам отправиться домой, сэр?

– Вот я и пытаюсь, – неизменно отвечал Форд.

На самом же деле, отрешенно вглядываясь в небо, он искал не какую-то определенную, а любую летающую тарелку. Зеленый был просто традиционным цветом разведчиков с Бетельгейзе.

Форд Префект жаждал появления какой угодно, самой заваливающей летающей тарелки, потому что пятнадцать лет – это везде чересчур долго. Тем более на такой до безобразия скучной планете, как Земля. Форд жаждал появления летающей тарелки, ибо умел путешествовать автостопом. Он знал, как увидеть чудеса Вселенной, тратя не более тридцати альтаирских долларов в день.

Форд Префект был полевым исследователем и работал на знаменитый путеводитель «Автостопом по Галактике».

* * *

Всем известна приспособляемость приматов, и вскоре ситуация с домом Артура Дента стала привычной. Артуру надлежало барахтаться в грязи и периодически требовать адвоката, маму или хорошую книжку; дело мистера Проссера заключалось в том, чтобы усыплять бдительность Артура – например, разговорами об Общественном Благе или о Неудержимой Поступи Прогресса; бульдозеристам же вменялось в обязанность попивать кофеек и мозговать над уставом профсоюза, дабы извлечь из ситуации наибольшую материальную выгоду.

– Привет, Артур!

Дент повернул голову, щурясь на солнце, и увидел склоненного над ним Форда Префекта.

– Привет, Форд. Как дела?

– Нормально, – сказал Форд. – Послушай, ты занят?

– Занят?! – вскричал Артур. – Я должен лежать перед этими бульдозерами: стоит мне зазеваться, и они в два счета снесут мой дом! Но если не считать этой мелочи...

На Бетельгейзе не ведают сарказма, и Форд Префект по рассеянности частенько его не замечал.

– Мы можем где-нибудь поговорить? – спросил он. Какое-то время Форд напряженно всматривался в небо, позабыв об Артуре, потом внезапно присел рядом с ним на корточки.

– Нужно обмозговать одно дельце.

– Что ж, – отозвался Артур, – давай.

– И выпить, – добавил Форд. – Нам жизненно необходимо поговорить и выпить. Немедленно. Идем!

Он вновь с нервным ожиданием уставился в небо.

– Неужели ты не понимаешь?! – истерически воскликнул Артур. Он указал на Проссера: – Этот человек хочет снести мой дом!

Лицо Форда выразило недоумение.

– Так ведь он и без тебя справится, правда?

– А я, наоборот, хочу ему помешать!

– Послушай, мне нужно сообщить самую важную вещь в твоей жизни. Это надо сделать сейчас же, и причем в баре «Конь и конюх».

– Почему?

– Потому что нам придется основательно выпить.

Форд посмотрел на Артура, и тот с удивлением почувствовал, что его воля начинает слабеть. Форд мастерски умел играть в одну старинную игру, которой научился в гиперпространственных портах рудного пояса системы Беты Ориона.

Играют так.

Двое соперников садятся по разные стороны стола, перед каждым ставят стакан, а посредине – бутылку «Крепкого духа Джанкс». Помните бессмертную древнюю песню орионских горняков:

О, не наливайте мне больше
«Крепкого духа Джанкс»,
Нет-нет, ни капли больше
«Крепкого духа Джанкс»...
Башка свинцом наливается,
Нутро огнем загорается,
И смерть моя приближается.
Так скорей плесните мне
«Крепкого духа Джанкс»!

Соперники пытаются усилием воли наклонить бутылку и наполнить стакан противника, который должен затем его выпить.

Потом ставят новую бутылку, и игра продолжается. Раз проиграв, вы вряд ли уже выиграете, потому что «Крепкий дух Джанкс», помимо всего прочего, гасит паранормальные способности.

Как только определенное его количество (о котором улаиваются заранее) поглощено, победитель получает фант.

Форд Префект обычно норовил проиграть. Форд смотрел на Артура, и тому начинало казаться, что он, пожалуй, все-таки не прочь зайти в «Коня и конюха».

– А как же мой дом?.. – жалобно произнес Артур. Форд взглянул на мистера Проссера, и ему в голову пришла шальная мысль.

– Так он хочет снести твой дом, так? Но не может, пока ты лежишь перед бульдозером?

– Да, и...

– Сейчас устроим, – бросил Форд и закричал: – Простите, можно вас на минутку?

Мистер Проссер, погруженный в спор с представителем бульдозеристов (тот доказывал, что Артур Дент являет собой угрозу психическому здоровью окружающих, и, следовательно, бульдозеристы должны получить материальную компенсацию), вздрогнул и завертел головой. С удивлением и тревогой он заметил, что Артур уже не один.

– Да, слушаю? Мистер Дент еще не одумался?

– Давайте предположим, что пока нет, – начал Форд. – И предположим также, что он пролежит здесь целый день.

– Ну? – вздохнул мистер Проссер.

– Значит, ваши люди целый день будут бить баклуши?

– Возможно...

– А раз вы с этим уже смирились, сам мистер Дент, в сущности, вам не нужен?

– То есть?

– Вам ведь не нужно, – терпеливо повторил Форд, – чтобы он здесь лежал?

Мистер Проссер задумался:

– Ну, собственно... Необходимости в этом нет... Проссер был обеспокоен. Он чувствовал, что кто-то сейчас свалит дурака.

– А раз так, – продолжал Форд, – мы с ним спокойно можем смотреть на полчаса в бар. На ваш взгляд, это логично?

– По-моему, вполне, – произнес мистер Проссер убежденным тоном, сам не понимая, кого убеждает.

– Если же вы сами захотите опрокинуть стаканчик, – добавил Форд, – мы вас прикроем.

– Спасибо! – с чувством проговорил мистер Проссер. – Огромное вам спасибо, это очень любезно с вашей... – Он нахмурился, потом улыбнулся, потом попытался сделать и то и другое одновременно, потом схватил свою меховую шапку и еще плотнее нахлобучил на голову. Ему оставалось только надеяться, что победа за ним.

– Тогда, пожалуйста, подойдите сюда и ложитесь...

– Что? – выдохнул мистер Проссер.

– Ах, простите! – воскликнул Форд. – Я, наверное, плохо объяснил. Кто-то должен лежать перед бульдозером, так ведь? Иначе ничто не помешает снести дом мистера Дента.

– Что? – вновь выдохнул мистер Проссер.

– Все предельно ясно. Мой клиент, мистер Дент, согласен удалиться при том единственном условии, что вы займете его место.

– О чем ты?.. – заикнулся было Артур, но Форд ткнул его носком ботинка.

– Вы хотите, чтобы я лежал здесь, – проговорил вслух новую для себя мысль мистер Проссер.

– Да.

– Перед бульдозером...

– Да.

– Вместо мистера Дента...

– Да.

– В грязи...

– Некоторым образом да.

Стоило мистеру Проссеру понять, что победа в конечном итоге не за ним, как с его плеч будто свалилась огромная тяжесть – таков был привычный ему порядок вещей. Он вздохнул:

– На этом условии вы обязуетесь увести мистера Дента в бар?

– Именно, – просиял Форд.

Мистер Проссер сделал несколько неуверенных шажков... замешкался...

– Обещаете?

– Обещаю, – твердо сказал Форд и повернулся к Артуру: – Вставай! Дай человеку лечь.

Артур поднялся. Происходящее казалось ему сном.

Форд махнул мистеру Проссеру, и тот медленно и печально опустился на землю. Грязь обволокла его грузное тело, просочилась в ботинки. Увидев вдруг оживившегося бульдозериста, мистер Проссер закрыл глаза и бессильно откинул голову, мучительно пытаясь отыскать доказательства, что сам он не являет собой угрозы психическому здоровью окружающих. Лично он в этом сомневался – голова была полна лошадей, дыма, шума и запаха крови. Такое происходило всякий раз, когда он чувствовал себя жалким и несчастным, и объяснений тому у него не было. В ином, высшем измерении, о котором нам ничего не известно, могущественный хан взревел от ярости, но мистер Проссер лишь дрожал и поскуливал.

Артура не покидала тревога.

– Он не подведет?

– До конца света нет, – сказал Форд, отлично знавший, что вопрос, снесут ли дом Артура, не стоит выеденного яйца.

– А скоро ли конец света? – полюбопытствовал Артур.

– Примерно через двенадцать минут, – ответил Форд. – Пойдем выпьем.

Глава 2

Вот что пишет об алкоголе «Большая Галактическая Энциклопедия»: «Алкоголь – бесцветная летучая жидкость, которая образуется в результате ферментации сахаров. Известна своим воздействием (интоксикацией), оказываемым на некоторые углеродные формы жизни».

Алкоголь упоминается и в «Путеводителе». Там сказано, что лучший на свете коктейль – это «Пангалактический грызлодер».

«Глотнуть „Пангалактического грызлодера“, – говорится далее, – все равно что вышибить себе мозги долькой лимона, в которую завернут большой золотой кирпич».

В «Путеводителе» указано, на какой планете подают лучший «Пангалактический грызлодер», сколько за него следует заплатить и какие общественные организации помогут вам после всего этого выжить.

«Путеводитель» подсказывает, как приготовить коктейль самому:

«К содержимому бутылки „Крепкого духа Джанкс“ прибавьте одну мерку воды из морей Сантрагинуса-5 (о эти моря Сантрагинуса-5! о эта сантрагинская рыба!).

Затем растворите в смеси три кубика арктурского мега-джина (предварительно хорошо охлажденного, а то бензин улетучится).

Пропустите сквозь раствор четыре литра фаллианского болотного газа, и пусть он весело булькает в память о всех счастливых автостоппиках, скончавшихся от удовольствия в болотах Фалли.

Аккуратно влейте по ложечке благоухающий экстракт гипермяты, мускусно-сладкий и таинственный.

Бросьте зуб солнцетигра с Алгола; полюбуйтесь, как он растворяется, наполняя напиток жаром двойной звезды.

Добавьте оливку.

Выпейте, соблюдая меры безопасности...»

«Путеводитель „Автостопом по Галактике“ раскупается куда быстрее, чем „Галактическая энциклопедия“».

– Шесть пинт горького, – сказал Форд Префект бармену «Коня и конюха», – и поторопитесь, пожалуйста, пока не настал конец света.

Бармен – пожилой, преисполненный достоинства человек – не заслуживал подобного обращения. Он поднял очки на лоб и, укоризненно глядя на Форда Префекта, мигнул. Однако Форд уже отрешенно уставился в окно, поэтому бармен перевел взгляд на Артура, который беспомощно пожал плечами и промолчал. Тогда бармен произнес:

– Вот как, сэр? Совсем недурная погодка для конца света.

И начал выставлять кружки.

– Игру сегодня смотреть собираетесь? – попробовал он снова.

Форд скользнул по нему взглядом.

– Нет смысла, – бросил он и вновь отвернулся к окну.

– Вы так уверены в исходе? – спросил бармен. – Думаете, у «Арсенала» нет ни одного шанса?

– Не в этом дело, – сказал Форд. – Просто скоро наступит конец света.

– Ах да, сэр, вы говорили, – произнес бармен и опять посмотрел на Артура – теперь поверх очков. – Тогда «Арсеналу» крупно повезло... Прошу, сэр, шесть пинт.

Артур виновато улыбнулся бармену, затем виновато улыбнулся посетителям – на случай, если их слышали. Никто, однако, не слышал, и никто не мог понять, чего этот тип разулыбался.

Человек, сидевший за стойкой рядом с Фордом, посмотрел на кружки, молниеносно произвел в уме арифметические действия, пришел к приятному для себя ответу и расплылся в широкой глупой ухмылке.

– Не пьялся, – отрезал Форд. – Не твое. – И одарил соседа взглядом, которого не выдержал бы и солнце-тигр с Алгола. Потом шлепнул на стойку пятифунтовую банкноту: – Сдачи не надо.

– Как, с пятерки? Благодарю вас, сэр.

– У вас осталось десять минут, чтобы ее потратить. Бармен предпочел тихо удалиться.

– Форд, – взмолился Артур, – объясни, что, черт побери, происходит?

– Пей, – коротко ответил Форд. – Тебе надо принять три пинты.

– Три пинты до завтрака?!

– Для расслабления мышц. Артур уставился в кружку.

– Интересно, – обратился он в никуда, – это я сегодня что-то натворил или мир всегда был таким, а я прежде этого не замечал, потому что делами был занят?

– Ну хорошо, – вздохнул Форд. – Попытаюсь объяснить. Мы давно с тобой знакомы?

– Лет пять, а может, шесть, – припомнил Артур. – Причем большую часть этого времени я понимал, что происходит.

– Как бы ты поступил, если бы я сказал, что родился вовсе не в Гилфорде, а на маленькой планете в окрестностях Бетельгейзе?

Артур пожал плечами.

– Не знаю, – проговорил он, отхлебнув изрядный глоток пива. – А что, ты способен такое сказать?

Форд сдался. В сущности, сейчас это было не главное – в преддверии конца света-то... И просто приказал:

– Пей.

– Сегодня, должно быть, четверг, – подумал вслух Артур, тяжело сгорбившись над кружкой с пивом. – По четвергам у меня вечно все наперекосяк.

Глава 3

В тот самый четверг некий объект вошел в ионосферу Земли. И даже не один, а несколько десятков неуклюжих желтых объектов, здоровенных, как черт-те что, и бесшумных, как ангелы. Они парили в небесах, купались в электромагнитных излучениях Солнца, выжидали, перестраивали ряды, готовились.

А на планете практически никто не подозревал об их присутствии. Отреагировал лишь маленький черный приборчик, известный под названием «субэфирный чуткомат». Теперь он тихо попискивал во мраке кожаного саквояжа. Вообще-то содержимое саквояжа могло свести с ума любого земного физика, поэтому Форд Префект скрывал его под кипой сценариев, которые якобы сочинял. Кроме субэфирного чуткомата и сценариев там лежал Электронный Палец, посредством коего осуществлялся «автостоп», – коротенькая черная палочка с тумблерами и шкалами; а также похожее на карманный калькулятор устройство с сотней крошечных кнопок и экранчиком, способным мгновенно показать любую из миллионов «страниц». Устройство выглядело безумно сложным, и потому его изящный пластиковый корпус украшала доброжелательная надпись: «НЕ ПАНИКУЙ!» Это была самая поразительная книга, выпущенная знаменитой Издательской корпорацией Малой Медведицы, – «Автостопом по Галактике: Путеводитель вольного странника». Она выпускалась в микро-субмезонном формате, ибо в привычной форме потребовала бы от путешественника таскать за собой десяток небоскребов в качестве книгохранилища. На самом дне саквояжа лежали блокнот и махровое полотенце от «Маркса и Спенсера».

«Путеводитель» посвящает полотенцам целую главу.

«Полотенце, – сказано там, – пожалуй, самый необходимый предмет в обиходе туриста. Во многом его ценность определяется практикой: в него можно завернуться, путешествуя по холодным лунам Беты Яглана; им можно накрыться, как одеялом, ночуя под звездами, что льют красный свет на пустынную планету Какрафун; на нем удобно лежать на песчаных пляжах Сантрагинуса, наслаждаясь пьянящими ароматами моря; его удобно использовать в качестве плотика, спускаясь по медленным, тяжелым водам реки Мотылек; им можно размахивать, подавая сигналы бедствия, а можно и намочить его для рукопашной схватки, либо обмотать им голову, чтобы не вдыхать ядовитые газы или избежать взора Кровожадного Зверезука с Трааля (поразительно глупая тварь, которая полагает, что раз вы ее не видите, то и она вас не видит; на редкость тупая, но исключительно кровожадная); ну и в конце концов, вы вполне способны им вытираться, если, конечно, полотенце достаточно чистое.

Однако гораздо важнее психологическое значение полотенца. По необъяснимым причинам, когда нечок (нечок не турист) узнает, что у туриста есть с собой полотенце, то автоматически предполагает наличие зубной пасты, фляги, компаса, мотка бечевки, плаща, скафандра и т. д. и т. п. Более того, нечок с радостью одолжит туристу любой из поименованных или непоименованных предметов, „потерявшихся“ в дороге. В глазах нечка человек, который исколесил Галактику вдоль и поперек, перенес тяжелейшие невзгоды, с честью вышел из отчаянных ситуаций и сохранил при этом свое полотенце, безусловно, заслуживает величайшего уважения».

– Полотенце при тебе? – внезапно спросил Форд Префект.

Артур, страдающий над третьей пинтой, обернулся:

– Нет, а что?

Он уже перестал удивляться – не было смысла. Форд раздраженно прищелкнул языком.

– Пей, – поторопил он.

Неожиданный грохот перекрыл галдеж бара, музыку и даже икоту соседа, которому Форд все-таки поставил виски.

Артур, поперхнувшись, вскочил на ноги.

– Что это? – воскликнул он.

– Успокойся, – ответил Форд, – еще не началось.

– Слава Богу, – облегченно вздохнул Артур.

– Это, видимо, просто твой дом снесли.

– Что?! – взревел Артур. Пелена спала с его глаз. Несколько секунд он дико озибался, потом бросился к окну. – Какого же черта я тут сижу?

– Все это уже не имеет значения, – сказал Форд. – Пусть забавляются.

– Забавляются? – Артур еще раз выглянул в окно, чтобы убедиться, что они говорят об одном и том же, и выбежал из бара, отчаянно размахивая пивной кружкой.

Перед тем как выскочить следом, Форд быстро повернулся к бармену и попросил четыре пакетика арахиса.

– Пожалуйста, сэр, – сказал бармен, выкладывая пакетики на стойку. – Двадцать восемь пенсов, будьте добры.

Форд сунул бармену еще одну пятифунтовую банкноту, без сдачи. Бармен посмотрел на банкноту, затем перевел взгляд на Форда и внезапно поежился: он пережил мимолетное ощущение, которое был не в силах понять, ибо на Земле никто прежде такого не испытывал. В самых отчаянных и безвыходных ситуациях под воздействием стресса каждое живое существо испускает сублиминальный сигнал – этакий жалостный вскрик, абсолютно точно выражающий своей силой, насколько далеко находится это существо от места своего рождения. На планете Земля от места своего рождения сложно удалиться дальше чем на шестнадцать тысяч миль, что, в сущности, совсем рядом, и испускаемый сигнал слишком слаб, чтобы его уловить. Форд Префект испытывал в данный момент огромное напряжение, а родился он в шестистах световых годах отсюда, в окрестностях Бетельгейзе.

Бармен пошатнулся, словно от удара, потрясенный ощущением невообразимого расстояния. Он не понимал, что оно означает, но теперь смотрел на Форда уважительно, почти с благоговением.

– Вы серьезно, сэр? – прошептал он во внезапно наступившей тишине. – Вы думаете, скоро наступит конец света?

– Да, – подтвердил Форд.

– Прямо вот так, средь бела дня?

Немного овладев собой, Форд самым беззаботным тоном ответил:

– Ага. По моим оценкам, осталось меньше двух минут.

Бармен не поверил своим ушам – точно так же, как не поверил в реальность ощущения, которое испытал только что.

– И мы ничего не в силах изменить?

– Нет, – небрежно бросил Форд, рассовывая по карманам пакетики с орехами.

Неожиданно в баре кто-то хрипло рассмеялся: совсем, мол, с ума посходили. Вдрызг пьяный сосед Форда устремил на него затуманенный взгляд.

– А я думал, – проговорил он, – когда наступит конец света, надо лечь и накрыть голову бумажным пакетом или еще чем...

– Если хотите – ради Бога, – разрешил Форд.

– Так нас учили в армии, – пояснил сосед, и его взгляд медленно и с большим трудом направился в сторону бутылки виски.

– Это поможет? – спросил бармен.

– Нет, – ответил Форд, обаятельно улыбаясь. – Прошу простить, мне пора. – И, помахав рукой, вышел за дверь.

В баре на секунду воцарилась тишина; потом, к общему смущению, тот, кто хрипло рассмеялся чуть раньше, снова хрипло рассмеялся. Девушка, которую он затащил с собой выпить,

уже ненавидела его всеми фибрами своей души. Она наверняка испытала бы глубочайшее удовлетворение при мысли о том, что через полторы минуты ее спутник испарится облачком водорода, озона и окиси углерода. Да вот только в этот счастливый миг ей самой предстояло слишком интенсивно испаряться, чтобы обращать внимание на что-нибудь еще.

Бармен нервно кашлянул и громко произнес:

– Последние заказы, пожалуйста!

Выбежав из бара, Артур не заметил, как резко похолодало на улице, не почувствовал ни ветра, ни внезапного шквала дождя. Он не замечал вообще ничего, кроме бульдозеров, которые утюжили обломки его дома.

– Варвары! – вопил он. – По судам затаскаю! Вас повесят, выпотрошат и четвертуют! И высекут хорошенько! Вы будете вариться в кипятке, пока... пока не получите по заслугам!

Форд со всех ног бежал за ним.

– А потом... я соберу все, что от вас останется, – орал Артур, – все маленькие кусочки, и буду прыгать на них!

Артур не замечал, что рабочие бегут прочь от бульдозеров; не замечал, что мистер Проссер стойчески смотрит в небо. Мистер Проссер увидел, как, раздирая облака, мчится в небе нечто огромное и желтое. Невероятно огромное и желтое.

– И буду прыгать на них, – кричал Артур, прибавляя ходу, – пока не натру мозоли или пока не придумаю что-нибудь похлеще, а тогда...

Артур споткнулся и растянулся на тротуаре лицом вверх. И наконец заметил: что-то происходит. Он воткнул в небо гневный перст.

– Что это такое, черт побери? – вскричал он.

Нечто чудовищно желтое разодрало небо пополам и исчезло вдали, а воздух сомкнулся следом с таким ревом, от которого уши уходят на шесть футов в голову. И еще одно чудовищно желтое сделало абсолютно то же самое, только громче.

Трудно сказать, чем в это время занимались люди, потому что они сами этого не понимали – кто вбегал в дом, кто выбегал... Страшный грохот потряс планету и раскатился, как приливная волна, по холмам и долинам, океанам и пустыням, сминая все на своем пути.

Лишь один человек стоял и смотрел в небо; стоял с невыразимой печалью в глазах и резиновыми затычками в ушах. Он знал, что происходит, знал точно и давно – с тех самых пор, как среди глухой ночи замигал возле подушки его субэфирный чуткомат. Именно этого он ждал долгие годы, но, когда в одиночестве темной комнатки он расшифровал код, мертвенный холод сковал его члены и стиснул сердце. Из всего неисчислимого множества рас всей необъятной Галактики к Земле пришли именно вогонь!

Но выбирать не приходилось. И когда рев вогонских кораблей заполнил воздух, он крепко сжал свой саквояж. Он знал, что почем и где его полотенце.

Внезапная тишина накрыла Землю. Гигантские суда недвижно зависли в небе – огромные, тяжелые, настоящий вызов природе.

Затем пронесся слабый шепоток, легчайшее дуновение, неожиданный и едва уловимый вездесущий звук: то включились все магнитофоны в мире, все телевизоры, приемники и усилители, все пищалки, среднечастотники и басовики. Каждая консервная банка, каждое мусорное ведро, каждый автомобиль, бокал и лист проржавленного металла – все они вдруг зазвучали не хуже идеально отрегулированной акустической системы.

– Люди Земли! – раздался голос – чудесный квадрофонический звук с таким низким коэффициентом искажений, что любой знаток отдал бы полжизни за возможность услышать это еще один раз. – Говорит Простатник Джельц из Галактического бюро планирования гиперпространственных маршрутов. Как вам, безусловно, известно, развитие отдаленных районов Галактики требует прокладки гиперпространственного экспресс-маршрута, проходящего

через вашу звездную систему. К сожалению, ваша планета подлежит ликвидации. На это уйдет чуть меньше двух земных минут. Благодарю за внимание.

Невообразимый ужас завладел сердцами замороженных людей. Страх передавался от человека к человеку, словно магнит двигался под листом с железными опилками. Вновь возникла паника, отчаянная нужда спастись бегством, хотя бежать было некуда.

Заметив это, вагоны опять включили свою громкоговорящую систему.

– Сейчас бесполезно прикидываться дурачками. Проекты трассы и планы взрывных работ были выставлены для всеобщего ознакомления в местном Отделе планирования на Альфе Центавра еще пятьдесят земных лет назад – достаточный срок, чтобы подать жалобу по надлежащим каналам.

Чудовищные корабли с обманчивой легкостью развернулись в небе. В днище каждого открылся люк – зияющий черный провал.

В это время кто-то где-то, вероятно, включил передатчик и от имени Земли обратился к вагонам с мольбой. Никто так и не услышал этих слов, зато ответ услышали все. Со щелчком ожила громкоговорящая система, и раздраженный голос произнес:

– Что значит «не были на Альфе Центавра»? Помилуй Бог, туда всего-то четыре световых года, рукой подать! Если вы настолько не интересуетесь общественной жизнью, то это ваше личное дело!.. Включить подрывные лучи!

Люки извергли поток света.

– Прямо не знаю, – капризно пожаловался голос, – какая-то апатичная планета... Ни капли не жаль.

Воцарилась чудовищная, кошмарная тишина. Раздался чудовищный, кошмарный грохот. Воцарилась чудовищная, кошмарная тишина. Флот вагонов медленно уплыл в чернильно-звездную пустоту.

Глава 4

Далеко-далеко, в противоположном спиральном рукаве Галактики, в полумиллионе световых лет от Солнца, Зафод Библброкс, Президент Галактического правительства, мчался по морям Дамограна. Лодка на ионной тяге сверкала и переливалась в лучах дамогранского светила.

Дамогран знойный, Дамогран далекий, Дамогран почти никому не известный.

Дамогран – тайная обитель «Золотого сердца».

Лодка мчалась по волнам. Впереди лежал нелегкий путь, ибо поверхность планеты, если говорить о географии, была представлена скалистыми островами, разделенными очень красивыми, но до отвращения большими океанами.

Лодка мчалась.

Из-за указанных недостатков Дамогран был чрезвычайно мало населен. Именно потому Галактическое правительство выбрало его для секретного проекта.

Лодка прыгала на волнах моря, в котором были разбросаны острова единственного маломальски пригодного для жизни архипелага. Зафод Библброкс несся к острову, где осуществлялся проект «Золотое сердце»; к острову, по случайному совпадению названному «Франция». (Один из побочных эффектов работы над проектом – генерирование целой цепочки совершенно случайных совпадений.)

Но ни в коей мере не было случайностью то, что кульминационный день проекта, день, когда «Золотое сердце» предстанет перед затаившей дух Галактикой, совпадал с величайшим днем в жизни Зафода Библбркса. Именно ради этого дня он решил выставить свою кандидатуру на президентских выборах. Надо сказать, что в свое время это решение вызвало растерянность и изумление во всей Галактике. Зафод Библброкс? В Президенты?! Тот самый Зафод Библброкс?! В Президенты! Многие расценили данный факт как убедительное свидетельство всеобщего безумия.

Зафод Библброкс – авантюрист, экс-хиппи, бездельник и маниакальный любитель саморекламы...

Принципы устройства Галактики понимали всего шесть человек – и они отдавали себе отчет в том, что, как только Зафод Библброкс объявил о своем намерении баллотироваться в Президенты, итог выборов был почти решенным делом. Он подходил идеально¹.

Не понимали они лишь причин его решения.

Сегодня им предстояло узнать эти причины. Сегодня осуществлялись планы, ради которых было задумано само президентство Зафода Библбркса. Сегодня ему исполнялось двести лет, но то было лишь еще одним случайным совпадением.

На скалистом острове ожидала толпа ученых, конструкторов и инженеров, создателей «Золотого сердца». Среди общей массы гуманоидов встречались рептилоиды, октопоиды и даже хулуву².

Все, кроме хулуву, щеголяли в красочных церемониальных лабораторных халатах; хулуву по торжественному случаю рефрактировались в свободностоящие призмы.

¹ Президент – должность во многом номинальная. Его функции – не распоряжаться властью, а отвлекать от нее внимание. Поэтому Зафод Библброкс – лучший Президент за все время существования Галактики; два года из своего десятилетнего президентского срока он уже провел в тюрьме за мошенничество. Мало кто сознает, что Президент и правительство практической власти не имеют, и лишь шестеро из этого малого числа людей знают, в чьих руках она на самом деле сосредоточена. Большинство же в душе убеждено, что все решения принимает компьютер. Нет ничего более далекого от истины... – *Примеч. автора.*

² Хулуву – сверхразумный оттенок цвета маренго. – *Примеч. автора.*

Толпа затаила дыхание, ослепленная солнцем и искусством мореплавания, которое демонстрировал Президент. Его лодка то зарывалась в волны, то высоко взлетала на пенистые гребни, расчерчивая море широкими зигзагами.

По правде говоря, лодке вообще незачем было касаться воды, так как ее поддерживал тончайший слой ионизированных атомов. Но для пущего эффекта ее оснастили крыльями, и те со свистом рассекали поверхность моря, поднимая в воздух сверкающие на солнце каскады воды, которые, бурля и пенясь, смыкались за кормой.

Библброкс любил эффекты.

Он резко вывернул штурвал, лодка описала полукруг и опустилась в воду перед скалистым берегом.

* * *

Три миллиарда зрителей приветствовали Президента. На самом деле трех миллиардов здесь, разумеется, не было, однако они наблюдали за происходящим посредством автопривизионной камеры, услужливо реявшей над лодкой.

Камера дала крупный план наиболее популярной из двух голов Президента, и Зафод помахал зрителям всеми тремя руками. Его светлые волосы были взъерошены, голубые глаза лучились чем-то совершенно неопишущим, а почти гладко выбритые подбородки свидетельствовали о твердости характера.

Огромная прозрачная сфера, покачиваясь из стороны в сторону и сверкая на ярком солнце, подплыла к лодке. Внутри сферы находился широкий полукруглый диван. Чем сильнее раскачивалась сфера, тем неподвижнее становился диван – этакая зачехленная скала.

Пройдя сквозь радужную оболочку, Зафод развалился на диване. Вода вскипела, и сфера на невидимых реактивных струях рванулась ввысь; каскады капель срывались с ее поверхности и падали в море.

Зафод Библброкс лучился от удовольствия, пытаясь вообразить, как выглядит со стороны.

Наконец сфера опустилась на высокий скалистый берег. Президент Галактики прибыл.

Под громовые овации Зафод Библброкс вышел из своего экипажа, поднял руку и дождался тишины.

– Привет! – обратился он к толпе.

Отыскал взглядом Триллиан, девушку, которую повстречал недавно, посетив инкогнито – так, для забавы – одну захолустную планету. Изящная, с волнистыми черными волосами, она чем-то напоминала арабку. (Здесь, разумеется, об арабах никто и слыхом не слыхивал. Арабы, в этот момент уже прекратившие свое существование вместе с Землей, и раньше-то обитали в пятидесяти тысячах световых лет от Дамограна.) Ничего особенного его и эту девушку не связывало – так, во всяком случае, уверял Зафод; Триллиан просто сопровождала его в поездках и говорила ему в лоб, что о нем думает.

– Привет, милая, – сказал он ей. – Привет! – сказал Зафод представителям прессы, которые отдельной группкой стояли поблизости, нетерпеливо ожидая, когда Президент перестанет говорить: «Привет!» – и сообщит что-нибудь остренькое для печати. Зафод одарил их особо лучистой улыбкой, потому что готовился через считанные секунды выдать им вообще черт знает что.

Следующая его фраза тоже не слишком порадовала прессу. Один из чиновников, отчаявшись дожидаться от Президента официальной речи, нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и гигантский белый купол, заслонявший полнеба, раскололся пополам. Присутствующие вскрикнули и тут же затаили дыхание, хотя отлично знали, что так и должно произойти, потому что сами все и придумали.

Под куполом оказался огромный звездный корабль ста пятидесяти метров длиной, девственно белый и умопомрачительно красивый. В недрах его, скрытая от непрошенных глаз, таилась маленькая золотая коробочка с непостижимым устройством, которому потрясающий корабль был обязан своим названием: «Золотое сердце».

– Ух ты! – сказал Зафод Библброкс. А что он еще мог сказать?

И повторил снова, назло прессе:

– Ух ты!

Все как один повернулись к нему и замерли в ожидании.

– Воистину поразительная штукавина, – сказал он. – Без дураков – воистину поразительная. Такая поразительная, что мне хочется ее украсть.

Толпа одобрительно взревела, представители прессы ликующе забарабанили по кнопкам своих субэфирных сенсациематов, а Президент обворожительно улыбнулся.

И в разгар самой лучистой улыбки, когда терпеть уже не было мочи, сердца его отчаянно застучали, и Зафод Библброкс сунул руку в карман и снял с предохранителя бомбу-автопарализомбу. Потом поднял головы к небу, издал дикий вопль, швырнул бомбу и помчался сквозь море внезапно застывших лучезарных улыбок.

Глава 5

Простатника Джельца нельзя было назвать красивым даже на фоне других вогонов – уж слишком напористо выпирал горбатый нос под узким поросычьим лбом. Толстая зеленая кожа позволяла Джельцу успешно заниматься политикой в высших эшелонах вогонской государственной службы и преспокойно резвиться в морских глубинах.

Впрочем, резвиться ему было недосуг. Миллионы лет назад, когда первобытные вогоны впервые выползли из смрадных морей Вогсферы, силы эволюции просто отвернулись от них, списав свое творение на производственный брак. Вогоны так и не эволюционировали; более того, они и выжить-то не имели права.

Фактом своего существования они обязаны исключительно толстокожести и упрямству. «Эволюция? – сказали себе эти существа. – Да кому она нужна?!» И попросту обошлись без того, в чем им отказала природа, пока не сумели выправить основные анатомические дефекты хирургическим путем.

А между тем эволюция на планете работала в поте лица, пытаясь исправить чудовищный промах. Она породила маленьких проворных радужных крабов (вогоны их пожирали, разбивая панцири молотками); устремленные ввысь деревья душераздирающей красоты (вогоны их рубили, чтобы жарить на кострах крабовое мясо); похожих на газелей грациозных животных с шелковистым мехом и жалобным взглядом (вогоны их ловили и использовали в качестве подстилок, когда сидели вокруг костра, жаря крабовое мясо).

Так продолжалось тысячелетиями, пока в одно прекрасное утро вогоны не открыли принципы межзвездного передвижения – и вскоре уже составляли костяк могущественной Государственной Службы Галактики. Они понахватались кое-каких манер, приобрели налет учености и даже тонкий слой лоска, но, по сути, недалеко ушли от своих диких предков. Каждый год они экспортируют с родной планеты на новое место жительства в скоплении Мегабрантис-27 десятки тысяч проворных радужных крабов и, счастливые, коротают пьяную ночь, разбивая их панцири молотками.

Простатник Джельц был типичным вогоном-злыднем. И кроме того, терпеть не мог туристов-автостопщиков.

В крохотной темной камерке, захороненной глубоко во внутренностях флагманского корабля вогонов, вспыхнула спичка. Владелец спички не относился к числу вогонов, однако знал о них достаточно, чтобы держать ухо востро. Его звали Форд Префект.

Он огляделся, но не увидел ничего, кроме причудливых теней, сотканых мерцающим огоньком.

– Слава дентрассийцам! – прошептал он.

Дентрассийцы – неотесанные, но симпатичные малые. Вогоны набирают из них прислугу – с условием, чтобы те не показывались на глаза. Это вполне устраивает дентрассийцев, потому что они любят вогонские дензнаки (вогонские дензнаки – пожалуй, самая твердая валюта в Галактике), зато к самим вогонам питают отвращение. Единственный вогон, которого всегда рады видеть дентрассийцы, – это вогон, у которого неприятности. Только благодаря знанию этих тонкостей Форд Префект не превратился в облачко водорода, озона и окиси углерода.

Послышался тихий стон. Чиркнув новой спичкой, Форд разглядел на полу трепыхающуюся тень, полез в карман и вытащил пакетик.

– Поешь орешков!

Артур Дент снова пошевелился и застонал.

– Бери, бери, – настаивал Форд. – При нуль-транспортировке теряются соль и протеин. Пиво и орешки – лучшее лекарство.

Артур Дент открыл глаза.

– Темно, – сказал он.

– Да, – согласился Форд Префект.

– Нет света, – сказал Артур Дент. – Темно. Пытаясь понять людей, Форд Префект никак не мог свыкнуться с их привычкой постоянно констатировать очевидное, вроде «Чудесный денек сегодня, не правда ли?», или «Какой вы высокий!», или «О Боже, вы, кажется, упали в тридцатифутовый колодец... Ничего не ушибли?». Форд придумал теорию, объясняющую эту странность поведения: если человеческое существо перестает болтать, его рот срывается. После месячного наблюдения он отказался от этой теории в пользу другой: если человеческое существо перестает болтать, начинает работать его голова. Вскоре Форд отменил и эту теорию, как чересчур циничную, поскольку пришел к выводу, что люди ему, в сущности, нравятся. Но он неизменно впадал в ярость, видя вопиющую невежественность людей и их безграничную самонадеянность.

– Да, – согласился Форд Префект, заставив Артура проглотить несколько орешков. – Нет света.

– Если я спрошу, где мы находимся, – безжизненно произнес Дент, – мне не придется об этом пожалеть?

– Мы в безопасности, – ответил Форд.

– Слава Богу!

– Мы в кладовой одного из звездных кораблей инженерного флота вогонов.

– А-а, – пробормотал Артур, – это, очевидно, какое-то странное значение слова «безопасность», с которым я раньше не был знаком.

Форд чиркнул спичкой; вокруг вновь взвились и заколыхались чудовищные тени.

– Но как мы сюда попали? – спросил Артур, дрожа всем телом.

– Нас согласились подвезти.

– Это как: мы проголосовали, а зеленое пучеглазое чудовище и говорит: «Садитесь, парни, могу подбросить до перекрестка»?

– Ну, – пожал плечами Форд, – голосовали мы субэфирным сигнальным устройством, перекресток будет у Звезды Барнарда, через шесть световых лет, а в общем – правильно.

– И пучеглазое чудовище?..

– В самом деле зеленое.

– Ладно, – вздохнул Артур. – Когда я вернусь домой?

– Никогда, – ответил Форд Префект. – Закрой глаза.

Он щелкнул выключателем. И даже сам удивился.

– Боже всемогущий! – воскликнул Артур. – Неужели летающие блюда изнутри такие?!

Простатник Джельц волочил свое омерзительное зеленое тело по командной рубке, чувствуя (как обычно после уничтожения населенной планеты) подспудное раздражение. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь подвернулся сейчас под руку – чтоб на него хорошенько накрыть. Джельц со всего размаха плюхнулся в кресло, надеясь, что оно сломается и даст повод выплеснуть эмоции, но кресло только жалобно заскрипело.

– Пошел вон! – закричал он на молодого вогон-охранника, вошедшего в рубку.

Охранник с колоссальным облегчением тотчас исчез. Он был рад, что теперь не ему придется докладывать о только что полученном известии – правительство официально объявило о новом чудесном способе космических сообщений, позволяющем немедленно упразднить за ненужностью все гиперпространственные экспресс-маршруты.

Открылась другая дверь. На этот раз капитан вогонов не заорал, потому что дверь вела в камбуз. Крупное мохнатое создание вошло в рубку с подносом. Оно злорадно улыбалось. Простатник Джельц чрезвычайно обрадовался: раз дентрассиец так доволен, значит, на корабле случилось нечто такое, из-за чего можно устроить прекрасный дикий разгон.

Форд и Артур озирались по сторонам.

– Как-то здесь неуютно, – заметил Артур, хмуро оглядывая убогую каморку. Повсюду валялись грязные матрасы, немытая посуда и вонючее нижнее белье, предназначенное явно не для гуманоидов.

– Что ж, мы не на роскошном лайнере, – указал Форд. – Это спальня дентрассийцев.

– А мне казалось, их зовут вогонами...

– Вогоны составляют экипаж корабля, – объяснил Форд, – а дентрассийцы служат поварами. Они нас и впустили.

– Чего-то я запутался, – признался Артур.

– Смотри. – Форд сел на один из матрасов и полез в сумку.

Артур нервно потыкал матрас ногой и опустился рядом. Вообще-то он мог не нервничать: выросшие в топиях Зеты Прутивнобендзы матрасы перед употреблением тщательно умерщвляются и высушиваются; как правило, они редко оживают.

Форд протянул Артуру карманный компьютер.

– Что это? – спросил Артур.

– Книга «Путеводитель по Галактике». Тут есть все, что должен знать каждый вольный странник.

Артур нервно повертел книгу в руках.

– Обложка мне нравится, – пробормотал он. – «Не паникуй!» Первые разумные слова за весь день.

– Сейчас покажу, как пользоваться, – сказал Форд и выхватил компьютер у Артура, который глядел на него, будто на полурасложившийся труп. – Допустим, мы хотим узнать все о вогонах... Нажимаем сюда... Вот, пожалуйста.

На экране зажглась зеленая строка: «Вогоны, Инженерный Флот».

Форд нажал большую красную кнопку, и по экрану побежали слова:

«Вот что следует делать, если вы заметили Инженерный Флот вогонов и хотите проголосовать: ни в коем случае не голосуйте. Вогоны – один из самых неприятных народов в Галактике: вспыльчивые, надменные, грубые и к тому же прирожденные бюрократы. Даже ради спасения родной бабушки от Кровозжадного Зверезжука с Трааля они и пальцем не пошевелият прежде получения специального приказа в трех экземплярах.

Примечание. Ни в коем случае не позволяйте вогону читать вам свои стихи».

Артур захлопал глазами.

– Странная книжка какая... А как же мы тогда проголосовали?

– Понимаешь, книга устарела. Мы готовим новое, исправленное издание, куда предстоит, в частности, внести дополнение, что вогоны берут в повара дентрассийцев.

Лицо Артура страдальчески скривилось.

– Кто такие дентрассийцы?

– Отличные парни! – ответил Форд. – Лучшие в Галактике кулинары и бармены, а остальное им до лампочки. Автостопщика подберут всегда: во-первых, потому что любят компанию, а во-вторых и в-главных, потому что рады насолить вогонам. Крайне важная информация для стесненного в средствах путешественника, желающего посмотреть чудеса Вселенной за тридцать альтаирских долларов в день. Собирать такую информацию – моя работа. Здорово, правда?

Артур выглядел совершенно растерянным.

– К сожалению, я пробыл на Земле больше, чем рассчитывал, – продолжал Форд. – Заскочил на недельку, а застрял на пятнадцать лет.

– Форд, – произнес Артур. – Возможно, тебе это покажется глупым, и все же... Как я здесь оказался? И зачем.

– Ну что я могу сказать... Я утащил тебя с Земли и тем самым спас тебе жизнь.

– А что произошло с Землей?

– Э... она уничтожена.

– Вот как? – поднял брови Артур. – Мне, по правде говоря, жаль.

Форд нахмурился и погрузился в раздумье.

– Да, могу понять, – сказал он наконец.

– Можешь понять? – взорвался Артур. – Можешь понять?!

Форд вскочил на ноги.

– Посмотри на книгу! – прошипел он.

– Что?

– «Не паникуй!»

– А кто паникует?

– Ты.

– Что же мне прикажешь делать?

– Отдыхай. Галактика – презабавное местечко, тут можно здорово провести время.

Засунь только в ухо вот эту рыбку.

– Чего-чего? – переспросил Артур.

Форд держал в руках стеклянную банку, в которой плавала маленькая желтая рыбка.

Артур оторопело заморгал. Ему было бы спокойнее, если бы рядом с нижним бельем дентрассийцев, грудой умерщвленных матрасов и жителем Бетельгейзе, предлагающим засунуть в ухо желтую рыбку, он мог бы увидеть хоть одну маленькую пачку кукурузных хлопьев. Но он ее не видел. И не ощущал внутреннего покоя.

Внезапно раздался дикий скрежет, и Артур испуганно вскрикнул.

– Тсс-с! – замахал руками Форд. – Слушай! Капитан делает объявление по внутренней связи!

– Но я не говорю по-вогонски!

– И не надо. Засунь только в ухо рыбку.

Форд неожиданно подскочил к Артуру и хлопнул его по уху. Тошнотворное чувство охватило Артура, когда что-то юркое проскользнуло в его ушную раковину. Он в ужасе втянул в себя воздух, затем его глаза округлились от удивления. Мерзкое хрюканье превратилось в членораздельную речь. Вот что он услышал...

Глава 6

«Гррм-хррм-бррм хлоп-чавк-хлоп-чавк-хлоп-хлоп гррм-гррм... хорошее настроение. Повторяю. Говорит капитан, так что слушайте внимательно. Во-первых, судя по приборам, на борту находятся путешествующие автостопом. Допутешествовались, голубчики, дело ваше швах. В этой жизни все дается потом и кровью, и не для того я стал капитаном Инженерного Флота вогонов, чтобы превратить его в бесплатное такси для придурочных туристов. Я снарядил поисковую партию, и как только вас найдут, так сразу же выкинут за борт. Если вам посчастливится, сперва послушаете мои стихи. Во-вторых, сейчас мы совершим прыжок в гиперпространстве и выйдем к Звезде Барнарда, где проведем в порту 72 часа. Так вот: корабль не покидать. Повторяю, все увольнительные отменяются. Я страдаю от несчастной любви и не хочу, чтобы у других было хорошее настроение. Все, конец».

Артур криво улыбнулся:

– Очаровательная личность. Хотел бы я иметь дочь – тогда я запретил бы ей выходить за него замуж.

– Не потребовалось бы, – заметил Форд. – Внешне вогоны привлекательны не больше, чем какая-нибудь жертва аборта.

– Форд, – спросил Артур, – а что эта рыба делает в моем ухе?

– Переводит. Загляни в книгу!

«Вавилонская рыбка, – сообщает „Путеводитель по Галактике“, – маленькая, желтая, похожая на пиявку – очевидно, самое странное создание во Вселенной. Она питается излучениями мозга – но мозга не своего хозяина-носителя, а окружающих существ. Отходы от поглощенной энергии выделяются в мозг хозяина-носителя в форме телепатической матрицы нервных сигналов, принятых от речевых центров. Короче говоря, засунув в ухо вавилонскую рыбку, вы сможете мгновенно понимать любой язык.

Тот факт, что столь умопомрачительно полезная форма жизни появилась совершенно случайно, воспринимается многими мыслителями как окончательный довод в споре о существовании Бога. Аргументация примерно такова:

– Я отказываюсь представить доказательства своего существования, – говорит Бог, – ибо доказательство отрицает веру, а без веры я ничто.

– Но вавилонская рыбка просто не могла возникнуть в результате случайной эволюции, – указывает Человек. – Следовательно, ты существуешь, и, следовательно, по твоим же собственным словам, ты не существуешь. Что и требовалось доказать.

– О Боже, об этом я как-то не подумал! – восклицает Бог. И исчезает в облачке логики».

В это мгновение Артура вывернуло наизнанку. Глаза его выпучились и заглянули внутрь, ноги стали вытекать из макушки. Корабль прыгнул в гиперпространство.

Артур простонал и с ужасом обнаружил, что прыжок его не прикончил. Он находился в шести световых годах от того места, где раньше была Земля.

Земля...

Картины былого терзали его душу. Воображение отказывалось смириться с мыслью, что Земля больше не существует. Артур решил проверить свою реакцию на воспоминания и осторожно вспомнил: родителей и сестры нет. Ноль реакции. Он вспомнил близких. Ноль эффекта. Потом вспомнил незнакомца, за которым стоял в очереди в супермаркете два дня назад, и в сердце кольнуло: супермаркета нет! Господи, колонны Нельсона нет! Колонны Нельсона нет, и общественность не возмутится, потому что некому возмущаться. Отныне и впредь колонна Нельсона существует только в его памяти. Англия существует только в его памяти! А сам он торчит в грязной вонючей каморке на борту межзвездного корабля... Артура захлестнула волна клаустрофобии.

Англия больше не существует. С этим смириться можно – с трудом, но можно. Он сделал другую попытку: Америки больше не существует. Не укладывается в голове! Артур решил начать с чего-нибудь помельче. Нью-Йорка нет. Ладно, ему все равно никогда не верилось в существование этого города. Доллары, подумал Артур, исчезли бесследно. Легкая дрожь. Сети закусочных «Макдоналдс» больше нет. Гамбургеров нет, ни единого!

Артур лишился сознания.

А придя в себя, резко вскочил:

– Форд! Ты ведь работал над исправлением и дополнением «Путеводителя», так?

– Ну, мне удалось несколько расширить статью о Земле.

– Дай взглянуть, что там сказано. Я должен увидеть!

– Пожалуйста.

Артур схватил книгу и попытался унять дрожь в руках. Нажал на кнопку – экран мигнул и выдал страницу текста. Дент выпучил глаза.

– Земли нет! – завопил он. Форд заглянул через его плечо.

– Да вот же, смотри, в самом низу, сразу после статьи: «Зевсова Утеха, трехгрудая Этуаль с Эротикона-6».

Артур проследил за указующим пальцем. Сперва до него не дошло, а затем в голове словно разорвалась бомба.

– Что?! «Безвредна»? Это все, что сказано о Земле?! Одно слово!

Форд пожал плечами:

– В Галактике сто миллиардов звезд, а емкость микропроцессоров книжки ограничена.

К тому же о Земле в общем-то никто и не слышал.

– Но теперь, надеюсь, ты о ней расскажешь?

– Я написал и передал издателю новую статью. Ее, конечно, отредактируют, но суть сохранится.

– Что же там будет сказано?

– «В основном безвредна», – произнес Форд и смущенно кашлянул.

– «В основном безвредна»? – вскричал Артур.

– Что за шум? – прошипел Форд.

– Это я кричал! – закричал Артур.

– Нет. Тихо! По-моему, мы влипли.

– По-твоему?!

За дверью раздались чеканные шаги.

– Дентрассийцы? – испуганно прошептал Артур.

– Нет, сапоги кованые, – заметил Форд. В дверь грозно постучали.

– Кто же это?

– Если нам повезло, это вогоны пришли выбросить нас за борт.

– А если не повезло?

– Если не повезло, – мрачно проговорил Форд, – капитан прочитает нам свои стихи.

Глава 7

Поэзия вогонов занимает третье место во Вселенной по отвратительности. На втором месте – стихи азготов с планеты Крия. Во время презентации нового шедевра поэтиссимуса Хряка Изящнейшего «Ода комочку зеленой слизи, найденному летним утром у меня под мышкой» четверо внимавших скончались от внутреннего кровоизлияния, а председатель комиссии по присуждению Ноббилингской премии чудом спасся, откусив себе ногу. Хряк, как сообщают, остался разочарован итогом презентации и собрался было читать все двенадцать книг своей саги «Бульканье в ванне», но тут его собственные внутренности в отчаянной попытке спасти цивилизацию устроили ему кровоизлияние в мозг.

Самые отвратительные стихи, а также их создательница Паула Нэнси Миллстоун Дженнингс из Гринбриджа (графство Эссекс, Англия) были уничтожены вместе с планетой Земля.

Простатник Джельц улыбнулся, причем медленно-медленно – не ради эффекта, кстати сказать, а просто потому, что забыл, в какой последовательности сокращать мышцы. Только что капитан с колоссальным удовольствием грозил пленникам всеми возможными карами и теперь ощущал приятную расслабленность и даже готовность к некоторой грубости.

Пленники сидели на СОПах – Стульях Оценки Поэзии. Привязанные. Вогоны не питали никаких иллюзий относительно чувств, вызываемых их опусами. В далеком прошлом к литературе их толкало стремление доказать свою культурность, сейчас же – исключительно садизм.

Холодный пот выступил на челе Форда Префекта и потек по прикрепленным к вискам электродам. Электроды вели к целой батарее электронных устройств – к усилителям образности, модуляторам ритмики, фильтрам аллитерации и прочей аппаратуре для обострения восприятия стихов, дабы не терялся ни единый нюанс мысли автора.

Артур Дент сидел и трясся. Он понятия не имел, что его ждет, но твердо знал: во-первых, все дотоле случившееся ему не нравится, а во-вторых, дела вряд ли пойдут на лад.

– О, захверти хрубком... – начал декламировать вогон.

По телу Форда прошли судороги – это было даже хуже, чем он ожидал.

– ...на хлярой холке, охреневаю мразно от маслов с наколкой.

– Ааааа! – вскричал Форд Префект, запрокинув голову. Сквозь застилавший глаза туман он смутно видел извивающегося на стуле Артура.

– Фриклявым шоктом я к тебе припуповею, – продолжал безжалостный вогон, – и уфибрахать ты, курерва, не посмеешь.

Его голос поднялся до невообразимых высот скрипучести.

– А то, блакуда, догоню и так отчермutoжу, что до круземных фрагоперов не захбудешь – чтоб мне не быть вогоном, паска!

– Нннниаааяяя! – завизжал Форд Префект и обмяк на ремнях, когда электронное очарование последней строки поразило его в самое сердце.

– Теперь, земляне, – заявил вогон (он не знал, что Форд Префект на самом деле родом с маленькой планеты близ Бетельгейзе, да и знал бы – не обратил внимания), – я предоставляю вам выбор! Либо умрите в вакууме космоса, либо... – он выдержал мелодраматическую паузу, – либо скажите: как вам мои стихи?

Форд судорожно вздохнул, провел пересохшим языком по шершавому нёбу и простонал.

– Вообще-то мне понравилось, – бодро сказал Артур. У Форда от удивления отвисла челюсть. До такого подхода к делу он еще не додумался.

Вогон приподнял брови (они надежно прикрывали нос и потому вызывали у зрителя скорее приятные чувства) и с долей растерянности проговорил:

– Вот как?..

– Да-да, – заверил Артур. – Меня просто потрясла их метафизическая образность.

Форд не сводил с него глаз, пытаясь привести в порядок мысли и настроить их на этот совершенно новый, неожиданный лад.

– Ну же, дальше! – нетерпеливо сказал вогон.

– И... э-э... оригинальная ритмика, – продолжал Артур, – которая контрапунктирует... э-э...

Он запнулся, и тут ожил Форд:

– ...контрапунктирует сюрреализм основополагающей метафоры...

Он тоже запнулся, но Артур уже подхватил эстафету:

– ...человечности...

– Вогонечности, – прошипел Форд.

– Да, вогонечности чуткой души поэта, – тут Артур, так сказать, оседлал своего конька, – которая посредством самой структуры стиха сублимирует одно, освобождается от другого и находит общий язык с фундаментальной дихотомией третьего. Приходит глубокое и ясное понимание того... э-э... того...

Форд нанес завершающий удар.

– Того, о чем шла речь в произведении! – воскликнул он и добавил сквозь зубы: – Молодец, Артур, ловко сработано.

Переполненная горечью душа вогона была тронута. Но потом он подумал: «Нет, слишком поздно!» И сказал:

– Итак, вы считаете, что я пишу стихи, потому что под маской черствости скрывается ранимость и желание быть любимым? Да?

Форд издал нервный смешок:

– Все мы в глубине души...

Вогон встал:

– Вы жестоко заблуждаетесь. Я пишу стихи, чтобы дать волю своей черствости. Эй, охранник! Отведи пленников к шлюзу номер три и вышвырни их в космос!

Здоровенный молодой вогон выступил вперед и толстыми ручищами вырвал их из стульев.

– Нас нельзя в космос, – взмолился Форд. – Мы пишем книгу!

– Сопротивление бесполезно! – рявкнул охранник. Это была первая фраза, которой он научился в армии.

– Я не хочу умирать! – закричал Артур. – У меня еще головная боль не прошла!

Охранник крепко схватил их за шеи и вытолкал в коридор. Хлопнула стальная дверь. Капитан задумался и тихонько замычал, перелистывая книжечку своих стихов.

– Контрапунктирует сюрреализм основополагающей метафоры... – произнес он и, мрачно улыбнувшись, закрыл книжечку.

Охранник волок пленников по длинному стальному коридору.

– Это замечательно, – хрипел Артур. – Просто великолепно... Отпусти, скотина!

– Не волнуйся, – сказал Форд. И тоскливо добавил: – Я что-нибудь придумаю.

– Сопротивление бесполезно! – взревел охранник.

– Не надо так говорить, – попросил Форд. – Как можно сохранять присутствие духа, когда слышишь такие слова?

– Вот! – запричитал Артур. – А у тебя-то родную планету не уничтожили... Я проснулся утром, думаю: денек пригожий, почитаю, собаку расчесу... Сейчас только четыре пополудни, а меня уже вышвыривают из чужого корабля в шести световых годах от дымящихся останков Земли!

Он поперхнулся и закашлялся, когда вогон еще сильнее сдавил его шею.

– Артур, заткнись, не устраивай истерик!

Форд отчаянно пытался сосредоточиться, но крики охранника: «Соппротивление бесполезно!» – ему мешали.

– И ты заткнись! – рявкнул Форд.

– Соппротивление бесполезно!

– А, брось... – Форд изловчился и заглянул охраннику в глаза. Ножиданно его осенило. – Неужели тебе это нравится?

Вогон встал как вкопанный, и на его лице медленно возникло выражение чудовищной глупости.

– Нравится? – тупо повторил он. – Что ты имеешь в виду?

– У тебя жизнь насыщенная? Интересная? Маршировать, кричать, выкидывать людей в космос – все это дает тебе глубокое удовлетворение?

Охранник уставился в низкий металлический потолок; его брови едва не заехали одна за другую, челюсть отвисла.

– Ну, служба нормальная... – наконец проговорил он и тут же замолчал, с видимым напряжением пытаясь разобраться в неповоротливых мыслях. – Хотя, с другой стороны, лень... – Вогон снова задумался, и для этого ему понадобилось изучить потолок. – Зато мне нравится кричать. – Он набрал полную грудь воздуха: – Соппротивление...

– Конечно, – торопливо перебил Форд. – У тебя это здорово получается. Но если лень, – теперь Форд говорил медленно, чтобы довести до адресата смысл каждого слова, – то что тебя привлекло? Дамочки? Красивая форма? Или увлекательная задача примириться с бездумным однообразием?

Артур ошарашенно глядел то на Форда, то на охранника.

– Ну, – пробормотал вогон, – э-э... не знаю. Просто делаю, как велено. Моя тетюшка сказала, что охранник на корабле – это хорошо. Знаете, красивая форма, служба...

– Вот видишь, Артур, – изрек Форд с видом человека, нашедшего веский довод в споре, – а ты говоришь, что у тебя неприятности... Попробуй представить его проблемы. Несчастный парень! всю жизнь маршировать и выпихивать людей в космос!

– И кричать, – добавил охранник.

– И кричать, разумеется. – Форд отечески похлопал по здоровенной лапище, зажимавшей его шею. – Он даже не знает, зачем все это делает!

Артур с прискорбием согласился. Но молча, так как воздуха ему не хватало.

Охранник глухо заворчал:

– Да ты все это так поворачиваешь, что, пожалуй...

– Молодец! – поощрил Форд.

– Ну а выход-то какой?

– Выход в решительном протесте! – воскликнул Форд. – Заявишь им, что отказываешься...

– Грмммм... Что-то мне это не больно нравится.

Форд почувствовал, что момент ускользает.

– погоди, погоди, самое интересное...

Но вогон ухватил пленников покрепче и вновь потащил их к шлюзу.

– Не-е, знаешь, если вам все равно, выкину-ка я лучше вас обоих в космос, а потом пойду покричу хорошенько.

Форду Префекту было отнюдь не все равно.

– Но как же! – настаивал он. – Я еще не рассказал тебе о музыке, литературе... Аааргх-х!

– Соппротивление бесполезно! – гаркнул охранник. И добавил: – Видишь ли, со временем меня произведут в Старшие Кричащие Офицеры, а у некричащих и непихающих шансов сделать карьеру практически нет.

Они вошли в шлюзовую камеру.

– А вот за сочувствие спасибо. – Охранник швырнул пленников на пол и устремился прочь.

Форд вскочил и уперся плечом в люк, который уже почти захлопнулся.

– погоди! – вскричал он. – А как же чудесный мир, о котором ты не имеешь ни малейшего представления?! Вот, к примеру... – Форд в отчаянии выпалил первое, что пришло ему в голову: —...начальные такты Пятой симфонии Бетховена: «Да-да-да-да-ам!» Тебе это что-нибудь говорит?

– Если честно – нет, – признался охранник. – Но я обязательно спрошу у тетушки.

Люк неумолимо захлопнулся, и все звуки смолкли, за исключением приглушенного гула корабельных двигателей.

– А в общем-то с ним можно было бы поработать, – пробормотал Форд и бессильно привалился к переборке.

– Э... что теперь? – робко осведомился Артур.

– Через несколько секунд вот этот люк перед нами автоматически распахнется, и мы, полагаю, вылетим в космос и задохнемся. Конечно, если набрать полную грудь воздуха, то секунд тридцать протянуть можно...

– Итак, нас ждет смерть, – подытожил Артур.

– Да. Впрочем... Нет! Подожди! – Форд внезапно прыгнул куда-то в сторону. – Что это за тумблер?! – возопил он.

– Что? Где? – вскричал Артур.

– Шутка, – сказал Форд. – Нас все-таки ждет смерть.

– Знаешь, – проникновенно произнес Артур, – вот в такие моменты, находясь взаперти в шлюзовой камере вогонского корабля вместе с жителем Бетельгейзе и готовясь отдать концы в пучинах космоса... вот в такие моменты я дико сожалею, что не слушался в детстве маму.

Зарокотал мотор.

Люк открылся, засвистел, вырываясь наружу, воздух, и Форд с Артуром вылетели в космос, будто пробки из игрушечного ружья.

Глава 8

«Путеводитель „Автостопом по Галактике“» – книга в высшей степени замечательная. За многие годы содержание статей неоднократно менялось. Статьи для «Путеводителя» сочиняли бесчисленное множество исследователей и путешественников.

Вот как начинается введение к книге:

«Космос велик. Страшно велик. Вы просто не поверите, насколько умопомрачительно он велик. К примеру, вы сетуете, как далеко от вас аптека – но по сравнению с космосом это сущая чепуха...» И т. д. и т. п.

(Когда вводная часть заканчивается, «Путеводитель» сообщает действительно важные, жизненно необходимые вам сведения. Ну, скажем, такие: жители сказочно красивой планеты Бетсаламин настолько обеспокоены эрозией окружающей среды, вызванной забавами десяти миллиардов ежегодно приезжающих туристов, что определенная с точностью до грамма разница между общим весом пищи, съеденной вами на планете, и общим весом ваших экскрементов хирургическим путем удаляется из вашей физической массы, то бишь из вашего собственного тела; поэтому, сходя в туалет, не забудьте взять квитанцию.)

Честно говоря, перед чудовишной необъятностью космоса пасовали и еще более великие умы, чем авторы вводной части «Путеводителя».

Для описания межзвездных пучин можно придумывать самые красочные сравнения, однако факт остается фактом: подобные расстояния просто не укладываются в человеческом воображении.

Даже свету – который распространяется настолько быстро, что многие цивилизации тысячи лет не могут понять, распространяется ли он вообще, – так вот, даже свету требуется некоторое время на путешествие в космосе. Так, он тратит восемь минут, чтобы добраться от звезды, которую называли Солнцем, до места, где когда-то находилась Земля, и еще четыре года – до ближайшего звездного соседа, Альфы Проксимы. А чтобы достичь противоположного конца Галактики (Дамограна, к примеру), требуется немного больше: пятьсот тысяч лет.

Рекордное время преодоления такой дистанции для путешествующих автостопом – пять лет; вот только вам вряд ли удастся что-нибудь толком посмотреть по дороге.

«Набрав полную грудь воздуха, – говорится в „Путеводителе“, – вы можете продержаться в вакууме около тридцати секунд». Однако далее там сказано: вероятность того, что в умопомрачительных просторах космоса вас подберет в течение тридцати секунд проходящий мимо корабль, равняется одному к двум в степени 267709.

По удивительному совпадению, таков номер телефона некой квартиры в Айлингтоне, где Артур однажды познакомился на вечеринке с очаровательной девушкой, но дальше знакомства дело не зашло – ее увел какой-то наглец.

Хотя планета Земля, квартира в Айлингтоне и тот телефонный аппарат канули в небытие, все же приятно заметить: все это в какой-то степени связано с фактом, что через 29 секунд Форд и Артур были спасены.

Глава 9

Форд Префект и Артур Дент лежали на тротуаре и, словно выброшенные на берег рыбы, судорожно ловили губами воздух.

– Ну вот, – прохрипел Форд, – я же говорил, что придумаю что-нибудь.

– О да, – выдавил Артур.

– Здорово меня осенило! – продолжал Форд. – Найти мимо проходящий корабль, чтоб нас подобрал.

– А кстати, где мы? – поинтересовался Артур.

– Не знаю, – ответил Форд. – Я еще не открыл глаза.

– Я тоже еще нет...

Вселенная подпрыгнула... застыла... после чего растеклась и разбрызгалась в разнообразных неожиданных направлениях.

Артур и Форд, открыв глаза, с удивлением огляделись.

– Боже всемогущий, ну прямо побережье у Саутенда! – воскликнул Артур.

– Черт побери, как я рад это слышать, – облегченно вздохнул Форд.

– Почему?

– Я уж подумал, что с ума схожу.

– Кто знает? Может, тебе только показалось, что я это сказал.

Форд замер:

– Так ты это сказал или нет?

– Кажется, сказал, – медленно произнес Артур.

– Что ж, возможно, мы оба сходим с ума.

– Если учесть все обстоятельства, – сказал Артур, – думать, что это Саутенд, – чистое безумие.

– Но ты-то думаешь, что это Саутенд?

– Да.

– И я так думаю.

– Следовательно, мы спятили.

– А денек-то какой для этого!

– Согласен, денек отличный, – заметил проходивший мимо маньяк.

– Кто это такой? – спросил Артур.

– Кто – тот дядька с пятью головами и кустом бузины? Понятия не имею. Прохожий какой-то.

– А-а.

Они сидели на тротуаре и с некоторым беспокойством смотрели, как тяжело скачут на песке дети-гиганты и стремительно несутся по небу дикие лошади.

– Знаешь, – кашлянув, начал Артур, – если это Саутенд, то что-то с ним неладно...

– Ты намекаешь на тот факт, что море неподвижно, как скала, а дома колышутся туда-сюда? Да, я тоже подумал, что это как-то странно.

Внезапно раздался женский голос. Самый обычный приятный женский голос. Он произнес:

– Один к двум в степени сто тысяч...

Форд огляделся в поисках источника звука, но не увидел ничего, что бы его заинтересовало.

– Кто это сказал? – воскликнул Артур.

– Понятия не имею! Будто кто-то подсчитывает коэффициент вероятности. Ну, один к трем... Один к двум в степени сто тысяч – это очень маловероятно, надо тебе сказать.

Внезапно на них опорожнилось содержимое огромного резервуара с горчицей.

– Что это значит? – вскричал Артур.

– Ты о чем, о горчице?

– Нет, об этом подсчете вероятности!

– Понятия не имею. Просто ума не приложу. По-моему, мы на борту какого-то космического корабля.

– Причем, осмелюсь заметить, – заметил Артур, – явно не в каюте первого класса.

На материи пространства-времени появились складки – большие и уродливые.

– А-а-а-ргхх! – завопил Артур, почувствовав, что его тело размягчилось и потекло в неожиданных направлениях. – Саутенд тает... звезды кружатся... мои ноги засасывает закат... левая рука вообще куда-то делась... – Тут ему в голову пришла страшная мысль: – Как же я теперь буду пользоваться электронными часами? – Он перевел взгляд на Форда: – Форд, ты превращаешься в пингвина. Перестань!

Опять раздался голос:

– Один к двум в степени семьдесят пять тысяч. Форд вперевалячку бегал вокруг пруда.

– Эй, голос! – сердито прокричал он. – Где ты? Что происходит и как это остановить?

– Успокойтесь, пожалуйста, – произнес приятный голос. Так увещевает стюардесса пассажиров самолета с двумя моторами, один из которых объят пламенем. – Вы в полной безопасности.

– Не в этом дело! – бесновался Форд. – Дело в том, что я сейчас пингвин, хоть и в безопасности, а у моего коллеги быстро кончаются все конечности!

– Порядок, они снова на месте, – заверил Артур.

– Один к двум в степени пятьдесят тысяч.

– Правда, – заметил Артур, – они у меня несколько длиннее, чем хотелось бы, но...

– Эй! – вскричал Форд. – Тебе не кажется, что пора сказать что-нибудь более толковое?

– Добро пожаловать на борт «Золотого сердца», – объявил голос. – Прошу не принимать близко к сердцу, – продолжал голос, – все, что вы, возможно, видите и слышите, – это лишь временный побочный эффект вашего чудесного спасения от неминуемой гибели при вероятности один к двум в степени двести семьдесят шесть тысяч, а то и выше. Сейчас на борту вероятностный фактор один к двум в степени двадцать пять тысяч. Мы войдем в нормальную вероятность, как только определим, что вообще можно считать нормой. Благодарю за внимание. Один к двум в степени двадцать тысяч.

Голос смолк.

Форд и Артур оказались в маленькой комнатке со светящимися розовыми стенами.

– Артур! – в экстатическом восторге закричал Форд. – Это фантастика! Нас подобрал корабль на невероятной тяге! Обалдеть можно! Ходили всякие слухи, и, разумеется, их официально опровергали, но, стало быть... Невероятная тяга! Артур, это просто... Артур! Что с тобой такое?

Артур лежал на полу, отчаянно пытаясь прижать его плотнее к стенам, однако из щелей тянулись крохотные, покрытые шерсткой руки с измазанными чернилами пальцами и доносился безумный писк торопливых голосов.

Артур в ужасе повернул голову:

– Форд! Там бесконечное множество обезьян, которые только что написали «Гамлета» и хотят с нами об этом поговорить.

Глава 10

Невероятностная тяга – чудесное изобретение, позволяющее преодолевать межзвездные пучины за неуловимо малую часть секунды и безо всякой там чудовищно неуклюжей возни в гиперпространстве.

Основы невероятностной тяги были открыты благодаря счастливой случайности; затем их реализовала на практике группа ученых Галактического правительства, работавшая на Дамогране.

Вот вкратце история открытия.

Принципы создания малых количеств конечной невероятности путем элементарного подключения логических цепей ССМ – Сверхкрохотуленького Субмезонного Мозга – к построителю атомных векторов, взвешенному в мощном генераторе броуновского движения (таковым с успехом может служить чашка горячего крепкого чая), были, разумеется, хорошо известны и даже зачастую применялись: например, чтобы оживить скучную вечеринку неожиданным смещением всех молекул одежды хозяйки на полметра влево.

Многие почтенные физики заявляли, что с этим они мириться не могут – возможно, потому, что это профанация науки, но скорее потому, что их на такие вечеринки просто не приглашали.

А еще они не могли мириться с постоянным провалом всех попыток сконструировать генератор поля бесконечной невероятности, необходимого для того, чтобы перенести космический корабль через умопомрачительные межзвездные пучины. И в конце концов физики с раздражением объявили, что создание подобной машины фактически невозможно.

Затем как-то раз один студент, которого оставили убираться в лаборатории после особенно неудачной вечеринки, вдруг стал рассуждать следующим образом: если создание такой машины фактически невозможно, значит, по логике, это событие конечной невероятности. Стало быть, достаточно рассчитать конкретное значение этой невероятности, ввести полученное число в генератор конечной невероятности, дать генератору чашку горячего крепкого чая и...

Так студент и поступил. Каково же было его удивление, когда выяснилось, что он сделал долгожданное открытие!

Впрочем, его удивление выросло во сто крат, когда сразу после торжественного вручения «Галактической премии за исключительную одаренность» его линчевала неистовая толпа почтенных физиков, которые наконец поняли, с чем действительно не могут мириться – с чересчур умными коллегами.

Глава 11

Невероятностнонепроницаемая рубка управления «Золотого сердца» выглядела точь-в-точь как рубка управления самого обычного звездного корабля за тем лишь исключением, что была чистой, опрятной и новой, словно с иголочки. В одном углу, сгорбившись, сидел робот. Его блестящая металлическая голова понуро склонилась над блестящими металлическими коленями. Робот тоже был новым, хорошо сложенным, отполированным, и все же при взгляде на него неизвестно почему складывалось впечатление, будто отдельные части его тела плохо стыкуются между собой. На самом деле они стыковались идеально – просто что-то в его осанке наводило на мысль, что они могли бы стыковаться лучше.

Зафод Библброкс нервно мерил шагами рубку, задевая разное сверкающее оборудование и возбужденно хихикая. Триллиан считывала показания приборов; громкоговорящая система разносила ее голос по кораблю:

– Один к пяти... Один к четырем... к трем... к двум... Вероятностный фактор один к одному, норма.

Повторяю, мы вошли в норму. – Она выключила микрофон, затем, мимолетно улыбнувшись, вновь включила его. – Теперь все, с чем вы не в состоянии справиться, – ваша личная проблема. Отдыхайте. Вас пригласят.

– Кто они, Триллиан? – раздраженно спросил Зафод.

– Откуда мне знать, просто какие-то ребята, которых мы выбрали в секторе Зет-Зет-9-многоженное-Зет-Альфа.

– Все это, конечно, очень мило, – пожаловался Зафод, – но не кажется ли тебе, что в данных обстоятельствах довольно глупо. Мы ведь в бегах, за нами охотится вся полиция Галактики. Не самое подходящее время подвозить автостопщиков... Согласен: десять баллов по благородству, но минус несколько миллионов по здравому смыслу, так ведь? – И нервно забарабанил по пульту управления.

Триллиан спокойно отвела его руку, пока он не успел стукнуть по чему-нибудь важному. При всех достоинствах Библбркса (кипучая энергия, фрондерство, тщеславие) руки у него были явно не тем концом вставлены, и одним экстравагантным жестом он мог, сам того не желая, запросто взорвать корабль. Триллиан подозревала: у Зафода жизнь такая увлекательная главным образом потому, что он сам редко соображает, что творит.

– Зафод, – терпеливо сказала она, – они находились в открытом космосе, беззащитные... Ты ведь не дал бы им погибнуть?

– Ну... в общем, не то чтобы погибнуть, но...

– Не то чтобы погибнуть? Но? – Триллиан склонила голову набок.

– Ну, может, их еще кто-нибудь подобрал бы...

– Еще секунда – и они были бы мертвы.

– Видишь, если бы ты хоть немного подумала, все решилось бы само собой.

– И ты бы спокойно обрек их на гибель?

– Ну не то чтобы спокойно, но...

– Так или иначе, – Триллиан повернулась к пульту, – я их не подбирала.

– Как это? Кто же тогда их подобрал?

– Корабль.

– А?

– Корабль. Когда мы шли на невероятной тяге.

– Это же невозможно!

– Возможно, просто очень-очень маловероятно. Послушай, Зафод, – Триллиан похлопала его по руке, – не волнуйся. Думаю, они нам не помеха... Я пошлю за ними робота. Эй, Марвин!

Голова робота резко дернулась, затем почти неуловимо затряслась. Робот с трудом поднялся, будто отягощенный непривычной ношей, и предпринял (как решил бы сторонний наблюдатель) героическое усилие, чтобы пересечь комнату. Он остановился перед Триллиан и устремил взгляд куда-то сквозь ее левое плечо.

– Вам, полагаю, следует знать, что я в ужасно подавленном состоянии, – глухо произнес он. Голос у него был слабый и безжизненный.

– О Боже! – простонал Зафод и плюхнулся в кресло.

– Марвин, отправляйся в шлюзовую камеру и приведи сюда этих туристов, – вмешалась Триллиан.

Микросекундной паузой и почти неуловимой модуляцией тембра – ничего такого, на что можно было бы обидеться, – Марвин ухитрился выразить ужас и отвращение ко всем человеческим существам.

– Всего лишь? – спросил он.

– Да, – твердо заявила Триллиан.

– Удовольствия мне это не доставит, – отрешенно сообщил Марвин.

Зафод выскочил из кресла.

– Тебя и не просят получать удовольствие! – рявкнул он. – Иди и выполняй, ясно?

– Ясно, – с надрывом ответил Марвин. – Выполню.

– Отлично, – прорычал Зафод. – Великолепно... Крайне признателен...

Марвин медленно повернулся и поднял на него свои красные треугольные глаза.

– Я вас, случайно, не расстроил? – патетически спросил он.

– Нет-нет, Марвин, – поспешно заверила Триллиан. – Все прекрасно.

– Мне не хотелось бы думать, что я вас расстраиваю.

– Нет, не беспокойся, все хорошо.

– Значит, вы не затаили где-нибудь в глубине души обиду? – допытывался Марвин.

– Нет, Марвин, нет, – принялась его утешать Триллиан. – Все просто чудесно... Жизнь есть жизнь.

Марвин сверкнул мрачной электронной улыбкой.

– Жизнь! – воскликнул он. – Не говорите мне о жизни.

Робот повернулся и с безысходным видом поплелся прочь. Стальная дверь закрылась за ним с глухим удовлетворенным чмоканьем.

– По-моему, я его долго не выдержу, – утомленно призналась Триллиан.

Большая Галактическая Энциклопедия дает следующее определение робота: «Механический аппарат для выполнения работы». Рекламный отдел Кибернетической корпорации Сириуса описывает робота так: «Товарищ пластиковый твой, с ним отдохнешь ты всей душой».

«Путеводитель по Галактике» не оставляет без определения и Рекламный отдел Кибернетической корпорации Сириуса: «Стадо безмозглых олухов, которых первыми поставят к стенке, когда произойдет революция».

– Корабль, похоже, совсем новенький, – сказал Форд.

– Откуда ты знаешь? – спросил Артур. – Тебе подсказало какое-то устройство, определяющее возраст металла?

– Нет, я просто нашел рекламный буклет. Вот, гляди. – Форд ткнул в одну из страниц.

«Сенсационное открытие в области невероятностной физики, – говорилось там. – При движении на невероятностной тяге корабль находится одновременно в любой точке Вселенной. На зависть всем центральным властям».

Форд увлеченно изучал технические характеристики, то и дело восхищенно присвистывая и ахая – видимо, галактическая астротехника значительно продвинулась вперед за годы его ссылки.

Артур сперва слушал, потом, так как не понимал практически ничего, отвлекся и начал бесцельно водить рукой по клавишам какого-то невообразимо сложного компьютера. Его внимание привлекла крупная зазывно-красная кнопка под экраном, и он ее нажал. На экране вспыхнула надпись: «Пожалуйста, не трогайте больше эту кнопку». Артур вздрогнул и пришел в себя.

– Слушай, – взалхлеб упивался Форд, – феноменальная автоматика! «Новое поколение роботов и компьютеров Кибернетической корпорации Сириуса, наделенных НХЛ».

– НХЛ? – переспросил Артур. – Национальная хоккейная лига?

– Отнюдь – это натуральные характеристики личности.

– Звучит как-то неприятно, – заметил Артур.

– И не только звучит, – раздался голос сзади. Голос был слабым и безжизненным и сопровождался почти неуловимым скрипом.

Дент и Префект, обернувшись, увидели на пороге сутулого металлического человека.

– «Неприятно» – не то слово, – продолжал Марвин. – Не говорите мне об этом. Взять, к примеру, дверь. – В модуляторе звука включились цепи сарказма – робот изобразил стиль рекламного буклета: – «У всех дверей нашего корабля легкий, жизнерадостный нрав. Они с удовольствием распахнутся и вновь захлопнутся за вами, испытав чувство глубокого удовлетворения в связи с отлично выполненной работой».

Дверь за ним закрылась и действительно издала удовлетворенный, похожий на вздох звук: «Хмммммм-а!»

Марвин оглянулся на нее с нескрываемым отвращением. Логические цепи его мозга клацали и лязгали, прикидывая возможность физической расправы над услужливым механизмом. Потом включились другие цепи: «Зачем? К чему стараться? Разве что-нибудь в этом мире заслуживает внимания?» Иные цепи – так, для развлечения, – провели молекулярный анализ двери, замерили уровень водородной эмиссии в кубическом парсеке окружающего пространства и от скуки отключились.

– Идемте, – выдавил из себя Марвин. – Мне приказано привести вас в рубку. Мне, с моим могучим интеллектом, приказывают привести вас в рубку... И это называется «удовлетворение от работы»?!

Он повернулся и направился к ненавистой двери.

– Э... простите, – молвил последовавший за ним Форд. – Какому правительству принадлежит этот корабль?

Марвин не удостоил его взглядом.

– Вы только посмотрите на эту дверь, – бубнил он. – Сейчас она опять откроется.

С тихим подхалимским подвыванием дверь распахнулась, и все вышли в коридор. Дверь со смачным звуком встала на место.

– Ненавижу эту дверь, – пробормотал Марвин. – Я, случайно, не действую вам на нервы?

– Какому правительству... – начал Форд, но робот его перебил:

– Никакому. Он украден.

– Украден? Кто ж его украл?

– Зафод Библброкс.

С лицом Форда произошла невероятная метаморфоза, а его левая нога на полушаге застыла в воздухе.

– Зафод Библброкс?.. – слабо повторил он.

– Я что-нибудь не то сказал? – произнес Марвин. – В таком случае прошу меня извинить. Надо признаться, у меня сейчас отвратительное настроение, я страшно угнетен... О Боже, еще одна самодовольная дверь... Жизнь! Не говорите мне о жизни.

Глава 12

Зафод, развалившись в кресле, слушал радио.

– ...последние известия на нашей субэфирной волне. Мы вещаем круглосуточно на всю Галактику. Ну, во-первых, большой привет всем формам жизни... и всем прочим... главное, улыбаться и не забивать голову ерундой. Разумеется, сейчас в центре внимания всей Галактики сенсационная кража не имеющего аналогов корабля на невероятной тяге, которую совершил не кто иной, как Президент Галактики Зафод Библброкс. Напрашивается вопрос: не свихнулся ли окончательно великий Библброкс, изобретатель «Пангалактического грызлодера», бывший авантюрист, любимец Зевсовой Утехи, недавно всеобщим голосованием в седьмой раз признанный Самым Дурноодетым Существом... Мы адресуем вопрос его личному психоаналитику Гэгу Полгному...

Триллиан выключила радио.

– Эй! – завопил Библброкс. – Ты зачем это сделала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.